

Анжелика была папиной дочкой. Избалованная, взбалмошная и эгоистичная.

Может быть, отец или мать назвали ее таким именем, вдохновившись книгами Анн и Серж Голон. Может, это было модно в то время, а за модой все бегут безоговорочно, но имя шло к ее светлой внешности. Характер же у нее был как у отца Лютера Кинга; — индульгенции отменить повсеместно, а вечную благодать и амброзию под разлапистым деревом, только мне.

Белокурые волосы с милыми кудряшками, голубые, широко распахнутые глаза, смотрящие открыто и жизнерадостно на белый свет, рот вишенкой, который она надувала от обиды, что ей не досталось сиюминутное счастье в виде подарка. Длинные ножки, любившие стучать о пол в час капризный, худенькие ручки, в общем, сплошное умиление и лебединая песня.

С годами, обжегшись на молоке, дула на воду. Она могла мимикрировать, как саламандра на дереве. Таила обиду долго. Если это был легкий вариант, лишь подколки злобного характера, сказанные красивым ртом молниеносно, были отзвуками прошедшей бури.

Но, если это была обида обид. То долго готовила месть, планово и поэтапно, а потом внезапно набрасывалась змеей. Шок, боль, забвение и разрыв отношений не только с ней, но и с ее окружением, был результатом мести. Для кого-то это было избавление божье и возможность начать новую жизнь, кто-то долго страдал, ныл, унижался и цеплялся за обломки разбитого вдребезги корабля. Лица могла простить казус, но для оппонента начиналась жизнь шестерки, сотканная из унижений и обид.

С Алексом она познакомилась в клубе. Был прекрасный летний вечер, она вышла на террасу, чтобы отдохнуться и глотнуть свежего воздуха, после диких танцев. Вся такая манерная, с бокалом шампанского в руке, белокурые волосы развивались в такт легкому ветерку, пролетавшего рядом на золотом сноуборде. Ночное небо смотрело ей в лицо, таяли упавшие звезды, как мороженое, озарялся пурпуром Млечный путь, в общем, все было красиво, в лучших традициях Голливудских мелодрам. Длинное, голубое платьеискрилось в прохладном весеннем воздухе.

Алекс, опершись локтями о перила, смотрел вниз, на неон большого города и думал. О чем думают мужчины неизвестно. У них, в принципе, одна мысль и ее сложно угадать.

— Завораживает, не правда ли? Все кажется мелким и ненужным, — махнул рукой Алекс на созвездие Лебедя.

«Не в себе, видимо. Но, одет стильно, без излишней вычурности. Хорош».

И сказала:

— Вы правы. В такие моменты чувствуешь себя маленькой. Игра богов и вариации нашей жизни.

— Александр, — подошел и представился, она протянула руку, он ее поцеловал.

— Анжелика, но можно просто Лика, — улыбнулась она мягко.

— Как такая красивая девушка оказалась на пропыленной террасе? Видимо, ваши боги услышали мою мольбу, — широко улыбнулся, и сразу похорошел.

Он вспыхнул доверие, хотелось броситься ему на шею и просто тихо дышать, смотря на мир позади него.

Лика звонко рассмеялась и погрозила пальцем:

— Подловили, вот прямо на этой ерунде. Мы с подругами празднуем просто пятницу. Я могла бы придумать что-то вроде днюхи, второго месяца беременности, или девичника, но вам лучше говорить правду.

— Предлагаю убежать.

Она посмотрела ему в глаза, словно пытаясь убедиться в серьезности намерений, и ответила:

— А давайте!

Он протянул свою руку, она свою и крепкое рукопожатие скрепило этот союз.

Выбежав в прохладу апреля, оставив позади привычный круг друзей и забот, погрузились друг в друга, ослепленные силой надежды и верой любовь.

Они гуляли по вечернему городу, держась за руки и смеясь. Забежали в старенькое кафе, работающее допоздна. Пили обжигающий кофе, целовались и смеялись, как дети. Он смотрел на нее влюбленным взглядом, она удивленно, не веря всему тому, что случилось с ней в эту волшебную ночь, кротко.

Выскочив из кафе, он обнял ее и, глядя в глаза, спросил:

— Продлим выходные?

Она недолго думала:

— Да, — приыхание и тихий голос.

— Париж?

Минута молчания, будто она обдумывает внезапное предложение выйти замуж в шумном кафе, под гул кофе-машины и разговоры присутствующих ни о чем.

— Да, — удивленный взгляд, сменился обожанием.

Цветочный магазин в этот поздний час был открыт. Будто он знал и специально ловил вот такие парочки. Скорее всего, было поступление товара.

— Закрой глаза и сосчитай до 56.

— Ладно, но почему 56?

— Спонтанно из головы.

Продавец устало повернулась на звон колокольчика. Увидев вошедшего Алекса, счастливого и от этого растерянного, мило улыбнулась и лицо ее расцвело. Не первой молодости, не слишком красивая, чуть полноватая, но благодаря улыбке превращалась в пышную и сочную розу, которые облетают за один час, лишь только улыбка гаснет.

— Доброй ночи, или утра, я признаюсь запутался. Мне самый красивый букет. Моя девушка стоит с закрытыми глазами и нетерпеливо ждет, — он обворожительно улыбнулся.

— Доброй ночи, могу предложить тюльпаны. Их только привезли.

Она взяла букет тюльпанов. Они были бело-красной и пурпурной расцветки, их бутоны немного раскрылись, но очевидно, что с наступлением дня, цветы произведут фурор своей красотой и хрупкостью.

— Спасибо, заверните.

Выбежав из магазина, Алекс застал за счетом Лику. Ладошки лежали на глазах, и она раскачивалась в такт счету.

— Самой красивой девушке этого города, — он преподнес цветы, яркие в обрамлении коричневой бумаги.

Она охнула, и он закрыл ей рот своим поцелуем. Они целовались долго и страстно, как первокурсники, стоя на булыжной мостовой города. Затем Алекс вызвал такси и отвез Лику домой:

— Завтра в 9.00, вернее, сегодня, будь готова к отлету. Я за тобой заеду.

— Конечно.

Он поцеловал ее в распухшие губы.

А потом был Париж и первый секс.

Алекс снял номер в Рэдиссон. Номер небольшой, уютный и красивый вид из окна.

Только счастливая парочка зашла в номер, а швейцар отбыл, как они набросились друг на друга. Легкий, весенний ветерок развеивает кипельно белые занавески, солнечные лучи, рассеиваются по комнате, играют золотистыми красками, как заправские жонглеры, брызжут в лицо и подмигают зайчиками, гул французских машин; — паррдон, лямур, тужур, арэвуар.

Париж — огромный плод, рассыпающийся вокруг свои семена любви; кафе и яркие галстуки, сухое вино и сигарета, «который час», дамские пальчики и теплые пледы, Эйфелева башня на треногах, покерные фишкы и мягкие бедра, Елисейские поля и едва уловимый запах Chanel, вечер, подсвеченный яркими огнями и певучий, мягкий акцент.

Он говорит ей так тихо, чтобы никто не слышал «я люблю тебя». Они срывают одежду друг с друга, она летит и оседает на спинках кресел, подлокотниках, кровати и полу. Белое покрывало скомкано, и на нем Лика, голая и прекрасная. Он смотрит на холмики грудей с темно-розовой вишенкой на конце, и хватает одну ртом. Оттягивает ее и наслаждается моментом, когда она сморщится и удивленно посмотрит на него, дрожа от возбуждения.

Вторую он нежно гладит рукой, говоря:

— Какая же ты красивая.

Сквозь сомкнутые веки она хрипло отвечает ему:

— Хочу тебя всего, безумно, — выгибаются телом навстречу.

Он облизал ее сосок, всосал в себя и выпустил на свободу. Начал выписывать руны на ее груди, далее животик, пупок, где он остановился как горный родник перед препятствием, напился счастьем и устремился вниз, к реке забвения, чтобы раствориться в ней.

Поднял ее длинные ноги, развел их в стороны и розовая раковина, в обрамлении шелковистых волосков, заиграла перламутром губок, дразня и маня его рот, лаская его взгляд и гипнотизируя своей чистой радостью. Он с жадность провел по ним языком, они заиграли, приходя в движение, соки, выступившие на них ранее, был выпиты мгновенно. Зверь, иссущенный жаждой, припал к источнику воды. Он пил не спеша, зная, что один. Перешел к ягодке и начал ее тихонько прикусывать, бередя в самке потаенные желания. Лера громко застонала, хотела выскользнуть, но он держал добычу крепко. И пытал сладостно, мучительно, наслаждался сам и дарил наслаждение ей. В какой-то момент, его взор выхватил картину полностью. Мечущуюся в агонии Леру, ее прекрасные золотистые локоны разбросаны по плечам, белому хлопковому покрывалу, сморщеные в желании соски, дрожащая белая грудь и капельки пота над верхней губой. Это было так возбуждающе сексапильно и будоражило, что он не выдержал, и провел своим красивым, ровным членом по ее губкам, раздвигая их, и медленно начал входить в тугую, мокрую щель.

Лера часто задышала, поднялась на локтях, чтобы снова упасть во вселенную блаженства:

— Возьми меня скорей. Не мучaaай.

Он вонзил свой кол глубоко в нее. Лишь яйца остановили движение вглубь. Головка уперлась в центр матки, вежливо поздоровалась и она ответила трепетом, волны блаженства и удовольствия разнеслись по ней и вернулись обратно. Он начал ее долбить, утоляя свой

голод, наполняя энергией и чувственной радостью:

— Да, да, бери меня всюююю...

Удовольствие наполняло ее, доходя до макушки, разрывалось на маленькие ручейки счастья, которые стекали и неслись в ее сокровищницу. Когда она наполнилась, силы девушки иссякли. Она кончила судорожно, с немым криком, вцепившись пальчиками в бедра своего мужчины.

Алекс смотрел помутненным взглядом, его член, наполненный спермой, радостью обладания, выстрелил в лоно девушки. Много. Сперма заполнила собой пространство внутри и начала вытекать не спеша, будто понимая важность свершившегося момента.

Разгоряченные и обессиленные они лежали на мятои и влажной кровати солнечного номера. Вдалеке, имперски сияла Триумфальная арка, Алекс курил. В одной руке сигарета, на плече второй покоилась светлая головка девушки, тишина и восторг, лишь только дым оседал на пылинках пыли, круживших свой солнечный танец.

Потом был ранний ужин. Ему; — стейк и картошка, жаренная на утином жиру. Бутылка красного вина. Ей; — форель и легкой сухое белое вино.

Взявшись за руки, они бродили по многолюдным улицам Парижа. Оперный театр и небольшое кафе, горячий кофе и круассан. Галери Лафайет и сумочка от Шанель. Она бы могла расплакаться от столь щедрого подарка (Галерист понимаешь, меценат щедрый), но только бросилась на шею, повисла на Алексе и зачастила:

— Благодарю, благодарю, — слезы не выступили на ее лице, но сердце дрогнуло.

Шестой этаж галереи и дивный вид Парижа на открытой террасе. Заходящее красное солнце, последние лучи коснулись с любовью многомиллионный город.

В мужской, отдельно стоящей Галерее, Алекс купил себе дюжину голубых рубашек, пару Поло и золотые запонки.

Пешком по вечернему Парижу. Елисейские поля в ярком обрамлении домов от Тиффани и Шанель, Лидо с гомонящей толпой; — красными звездочками сигарет в руках элегантных мужчин, и черные маленькие платья женщин в кашемировых пальто.

— Ты лучшее, что случилось со мной за последние пять лет.

Он берет ее ладонь и подносит к своим губам, целуя кончики пальцев.

Зайдя в номер, бросает пакеты с покупками, на ходу снимая свое пальто, прижимает Лику к стенке лицом:

— Соскучилась?

— Да.

Он залазит пальцами в трусики, минует губки и впивается ими в мокрую щель. Соки покрывают их, и он начинает вторгаться в мягкую, податливую плоть так быстро и с таким напором, что пизденка Лики потекла. Еще быстрее и она заливает ему руку, юбку и приспущеные трусики. Алекс вынимает пальцы, поворачивает ее к себе лицом. Она тяжело дышит. Двумя пальцами он проводит по ее влажным и пухлым губам. Она облизывает их кончиком языка. Медленно и смотря ему в глаза, как кошка, готовая к спариванию и согласная на всё.

Он рвет ее стринги, поднимает и насаживает ее мокрую пизденку на свой возбужденный кол. Впивается ртом в ее губы и начинает яростно ебать ее около стенки. Она хочет крикнуть, но его язык выписывает немыслимый танец страсти в ее рту. Он долбит ее, как дикий зверь, внезапно поймавший свою самку.

Яйца стучат по пизденке, член, как поршень локомотива входит в узкое отверстие, пытаясь разодрать и вывернуть наружу матку. Он рычит ей в рот и кончает. Лика, фарфоровой куклой виснет на нем. Потом придя в себя, сильно прижимается, пытаясь безмолвно сказать « это было оху... но!».

Он ставит ее на пол, предварительно вынув член. Сперма стекает по ее ногам, и она бросается в душ.

Занавесок жалко, да и Алекс романтичный член в городе любви, поэтому он застегивает ширинку, берет сигарету и, прикуривая, направляется к огромному окну. Смотрит на ночной город и, утомленный жаром дня, курит. Мыслей нет, но улыбка счастья не сходит с лица.

— Париж, — сказал он на певучем мягким наречии. Будто выпустил изо рта пузырь с текстом, какие рисуют в комиксах. В окружении звездочек, блесток и искр.

Это было год назад.

— Как поживает твоя Мисс Экстремальный Тур и Ротмистр Императорской Армии? — спросил Толян, жуя тараньку, и запивая ее пивом. — Я уже ссу от одной мысли, что Дьявол на сумке Prada влетит в эту обитель зла и разнесет нас, как зомби, — и заржал, показывая полный рот зубов с рыбой.

— Лена, жопа из полиэтилена, иди сюда, к папочке, — он похлопал по волосатой коленке, приглашая Ленку присесть.

Ленка, дородная красавица, с плоским животом и красивым широким тазом, подошла к Толяну, улыбаясь и покачивая роскошными бедрами. Лишь черные трусики танго были одеты на ней.

Она присела на коленку и улыбнулась, обняв рукой тощую шею Толяна.

— Вот, баба должна быть послушной и немногословной. Ладно, ступай в бассейне покуыркайся с блаженными, — она встала с колен, а он хлопнул ее по шикарной заднице. Алекс улыбнулся.

— Хз Толян. Я в командировке. Не вычислит.

— Говорить ничего не буду, но, несмотря на ее папеньку, не пара она тебе. Какая-то искусственная, манерная. Это «дорогой» она произносит не в прямом смысле слова, а будто фюрер чистит картошку и прячет ненависть за красной ручкой швейцарского ножа, того и гляди пырнет исподтишка.

— Посмотрим, — сказал Алекс. Встал и направился в бассейн, где кувыркался Славка с двумя девицами. Ленка лежала в шезлонге. Видимо, устала от трудов праведных.

Вечеринка набирала обороты. Пиво закончилось, в ход пошли виски, копченая курица, овощи и трава.

Толян хватал за сиськи Ленку и шептал ей на ухо пошлости. Отчего она раскраснелась и отталкивала от себя кавалера, шутя. Славка показывал всем бицепсы и кубики живота. Девушки любовались фигурой, а особенно он сам. Периодически Славка обнимал и тискал двух девиц. Алекс же сначала был серьезен и тверд, как Форт — Нокс.

Виски сделали свое дело, они могут быть спокойны. После второй бутылки, Толян отошел в благоверной и примостил ее на скамейке. Начал переть ее раком. Широкая задницы девушки ходила ходуном, спина выгнута, как у кошки, сиськи бьются друг о друга. Руки вцепились в край скамейки, а через минуту, она упала на нее лицом, высоко оттопырила зад и тихонько постанывала.

Толян, видя такое положение, вдохновился и начал совать ей палец в попку. Она задрожала

всем телом, как кобылка на выпасе. Тогда он, недолго думая, вынул свой мокрый член из скважины девушки и приставил его к темной дырочке ануса. Головкой размазал соки по отверстию и начал медленно внедряться. Ленка стонала как триста девственниц в гареме, но не дергалась, боялась пошевелиться. Лишь только член начал свои движения взад вперед, лишь только анус открылся навстречу Толяниному орудию, Ленка впала в ступор и, громко охая, начала подмахивать благоверному.

— О, какая сука у меня, — кричал Толян, наотмашь бил Ленку по вспотевшим и трясущимся ягодицам. — На, на, получай. Скажи, какой красивый хуй у твоего мальчика.

— Ммм... хорош ох-ох, ммм красив... о моя задница горит!!!

Видя такое экспериментальное начало, Алекс выхватил одну девицу у Славика, и поставил на колени перед собой. Вынул из мокрых плавок вставший от чужой оргии член, и вставил в рот:

— Соси!

Она начала его сосать, подрачивая рукой.

— Ну, капец, ну рот. Лижи его и яйца. Молодец. Теперь глубокий. Не пытайся, а делай.

Первый заход был неудачным, но она не прекращала попыток. С каждым разом лучше и лучше. Рот был весь в слюне, губная помада размазалась по лицу. Наконец, у нее получилось, проход был свободен, и член входил в узкую глотку, как нож в масло.

Славик же в это время сидел на диване, и на его кривом члене скакала третья девушка. Он любовался, как сиськи скачут в погоне за оргазмом, как нервно подрагивают соски, как надулась колесом его грудь и принимает завершенную форму: «эх, на чемпионате бы показать результат».

Далее картина номер два. Ленка лежит на Толяне, его член находится в ее анусе, она же раздвинув ноги, отдается киской Алексу, которому лижет сзади мокрые и отвердевшие яйца вторая красавица...

И вот, подумав еще месяц, Алекс решает бросить свою белокурую фею. Он уже знает, что единственный и желанный жених в ее окружении; богат, не скуп, трахается как бог и человек, который дал слово, будет его держать, обходителен, чутко реагирует на настроение любимой, сор из избы не выносит.

Перед решением Алекса, она находилась в Испании с подружками, где добросовестно спускала папины и Алекса деньги. Постоянно называя любимому, чем вводила его в ступор, не дав по ней соскучиться. Он научился не слышать ее. Главное, нужна ли ему женщина, к которой он уже глух?

И вот сережки с черными жемчужинами куплены (видимо, это к трагедии), колье поконится в отдельной коробочке.

Интересно, где будут чувства этих двоих? В разных федерациях?